

ЛЕОНИД СОЛОВЬЕВ

ЦЕПИ

Леонид Соловьев

Цепи

«ФТМ»

1936

Соловьев Л. В.

Цепи / Л. В. Соловьев — «ФТМ», 1936

«... – Вот здесь, – сказал он, – я нашел в ту ночь два больших камня и попробовал разбить свою цепь. Я колотил долго – по железу, по своим пальцам; камни были скользкими от моей крови, а цепь оставалась по-прежнему целой, я только помял два или три звена... Голос его дрогнул, тень легла на рябое коричневое лицо. Сузив монгольские косые глаза, приземистый и широкогрудый, он пристально смотрел вниз, точно искал на белой каменистой дороге засохшие следы своей крови. – Я покажу тебе эти цепи, товарищ; они висят на стене в моем доме и охраняют мою душу от неправильной жалости. Если придется мне оступиться и пожалеть врага, я взгляну на цепи и скажу самому себе: "А помнишь, Саид, как они жалели тебя?.." ...»

© Соловьев Л. В., 1936

© ФТМ, 1936

Леонид Соловьев

Цепи

Мы возвращались в кишлак берегом арыка, мимо полей, прошитых зелеными нитками хлопковых всходов, – упругие и сочные, они обещали колхозникам редкий урожай. На урюковых деревьях высыпало такое множество завязи, что садоводы заранее ставили подпорки, – иначе хрупкие ветви обломятся под тяжестью плода. Обильная, густо насыщенная глиной вода, журча и булькая, провожала нас: в горах не было холодных ветров, ледники таяли хорошо, и земля пила досыта. Мы шли мимо старинных гробниц и мечетей – вода подтачивает их снизу, а ветер – сверху; облезают черные конские хвосты, повешенные на жердях перед входом. Население забросило святые места, и они охраняются только аистами, чьи огромные гнезда чернеют на древних мертвых деревьях.

Спутник мой, председатель Октябрьского колхоза Саид Фазиев, остановился на перекрестке двух полевых дорог.

– Вот здесь, – сказал он, – я нашел в ту ночь два больших камня и попробовал разбить свою цепь. Я колотил долго – по железу, по своим пальцам; камни были скользкими от моей крови, а цепь оставалась по-прежнему целой, я только помял два или три звена...

Голос его дрогнул, тень легла на рябое коричневое лицо. Сузив монгольские косые глаза, приземистый и широкогрудый, он пристально смотрел вниз, точно искал на белой каменистой дороге засохшие следы своей крови.

– Я покажу тебе эти цепи, товарищ; они висят на стене в моем доме и охраняют мою душу от неправильной жалости. Если придется мне оступиться и пожалеть врага, я взгляну на цепи и скажу самому себе: «А помнишь, Саид, как они жалели тебя?..»

Ниже – история жизни Саида Фазиева, записанная с его слов.

Отец его Файзи Мухаммедов до сорока с лишним лет был одержим каким-то суетливым, непонятным для односельчан беспокойством. В памяти Саида сохранились вечера в чайхане, куда собирались мужчины, окончив дневные труды. Теплый ветер покачивает фонарь; в клетках, почуяв весну, кричат перепела, им отвечают другие – с полей; босой чайханщик неслышно разносит пестрые чайники; чинно и тихо, умиротворенным полусшепотом беседуют гости, и только один глухой, сиповатый голос, иногда прерываемый кашлем, все гудит и гудит встревоженно, смятенно – голос Файзи Мухаммедова. Он хочет знать, сколько верст до самой близкой звезды и велика ли эта звезда; если велика, то живут ли на звезде люди и как они живут – счастливее нас или хуже, если счастливее, то нельзя ли перенять у них порядки и законы? Никто не отвечает ему, не переспрашивает, а он все гудит и гудит, задавая вопросы самому себе – точно в пустыне. Плечи его подрагивают, глаза бегают, он беспрерывно почесывается, он весь в каком-то странном мелком движении – даже шевелятся пальцы босых и грязных ног. Мысли его текут беспорядочно – через минуту он уже забыл о звезде и начинает новый разговор: будущей весной он собирается идти в горы на поиски золота. Ему нужно двести рублей, чтобы начать торговлю сахаром, чаем и керосином. Он купит большую крытую арбу, лошадь и поедет со своим товаром в самые далекие кишлаки, все обменяет на шелк, а потом в городе продаст этот шелк с большой прибылью, снова купит товару и снова поедет в далекие кишлаки уже на двух арбах. Соседи неодобрительно молчат – они знают, что Файзи Мухаммедов с юношеских лет батрачил у потомственного почетного гражданина бая Мулло-Умара, одного из шести владельцев всей кишлачной земли, и что никогда не пойдет он в горы мыть золото, и никогда не будет у него двухсот рублей, необходимых для начала торговли.

Так оно, конечно, и вышло: Файзи Мухаммедов не открыл никакой торговли и к пятидесяти годам обрел, наконец, душевный покой. Его просветил и научил мудрости святой ишан Аннар-Мухаммед-оглы, что жил близ мечети, на взгорье, в старинном тенистом саду. Ишан

объяснил Файзи тайный и страшный смысл трех букв – алиф, лам, мим, которыми начинается вторая сура корана: «Эти люди, обменивающие истинный путь на заблуждение и прощение божие на кары его; как перенесут они адское пламя?» И еще: «Алиф, лам, ра... Зачем будешь ты хлопотать у двери и устраивать мягкое ложе, если завтра дано тебе войти в самый дом?..» С тех пор глухой встревоженный голос не нарушал больше умиротворенную тишину чайханы; с тех пор Файзи Мухаммедов стал частым гостем в мечети, и мулла даже ставил его в пример другим, менее радивым прихожанам. Слухи о благочестии Файзи дошли до хозяина – потомственного почетного гражданина Мулло-Умара, и хозяин приблизил его к себе, переведя работать с полей в дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.